

УДК 341

Понятие убийства и систематизация уголовного законодательства России об ответственности за убийство: инновационные проблемы совершенствования уголовного законодательства

Бабичев А.Г.

Кандидат юридических наук,
докторант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье анализируются законодательное определение и признаки убийства по российскому и зарубежному уголовному законодательству, исследуются доктринальные определения этого понятия, предлагается и обосновывается новая редакция понятия убийства в УК РФ, новая подсистема убийств в системе преступлений против жизни человека, даются обоснованные рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства в сфере дифференциации ответственности за убийство, совершающее при отягчающих обстоятельствах, на основе принципа справедливости.

Ключевые слова: убийство, посягательства на жизнь, уголовное законодательство, ответственность, дифференциация уголовной ответственности, квалифицированные виды убийства, признаки убийства, совершенствование законодательства, обстоятельства, отягчающие ответственность.

Жизнь – это то, что люди больше всего стремятся сохранить и менее всего берегут...
Жюльен Лабрюйер

Понятие «убийство» отечественный законодатель дает в ч. 1 ст. 105 УК РФ при установлении ответственности за «простое» убийство, при конструировании основного состава этого преступления. Определяя убийство как «умышленное причинение смерти другому человеку», он тем самым называет основные признаки этого вида преступлений.

При убийстве человек лишается своего самого ценного блага – **жизни**, что является одним из показателей особо опасного характера данного преступного деяния. Убийство вызывает такие последствия,

которые ничем не могут быть компенсированы. Взамен такого утраченного блага, как жизнь человека не может быть предложен эквивалентный заменитель. Этим главным образом и объясняется то, что состав убийства «открывает» Особенную часть УК РФ как состав самого опасного вида преступления, предусмотренного российским уголовным законодательством.

Однако, несравненно большую общественную опасность очевидно представляют такие преступления, как **террористический акт, бандитизм**,

массовые беспорядки, пиратство, вооруженный мятеж, применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ, геноцид, нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, и некоторые другие преступления против общественной безопасности, государственной власти, мира и безопасности человечества, которые по своему характеру и социально-правовой природе предполагают умышленное причинение смерти не одному конкретному человеку, а многим людям, неопределенно широкому кругу людей наряду с другими тяжкими последствиями для охраняемых уголовным законом интересам общества, государства, организаций и граждан. В связи с этим мы вправе сомневаться в справедливости построения структуры действующего Уголовного кодекса России, в котором наиболее опасные посягательства на жизнь многих, а также на общественную и национальную безопасность, мир и безопасность человечества признаются заслуживающими меньшего внимания законодателя, чем, скажем, убийство, связанное с посягательством на жизнь индивидуально определенного человека, то есть на жизнь индивида.

То, что в уголовном законодательстве **приоритетное значение должно отдаваться охране мира и безопасности человечества, основам национальной и общественной безопасности, а затем уже охране жизни, безопасности отдельного человека** – это не придумка советских ученых-правоведов и советской власти, а распространенная практика. Во многих зарубежных уголовных кодексах буржуазных государств такой подход к построению структуры Особенной части УК признается наиболее целесообразным.

Так, в УК Голландии преступления против государства, безопасности глав государств и других лиц, пользующихся международной защитой, безопасности людей, против общественного порядка и государственной власти расположены в начале Особенной части УК, то есть впереди преступлений против жизни человека. УК Дании также вначале предусматривает ответственность за преступления против независимости и безопасности государства, Конституции и высших органов государства, государственной власти, общественного спокойствия и порядка, правосудия и общественной безопасности, а затем уже – насилиственные преступления против личности, куда входит и убийство.

В УК Турции преступления против личности, в том числе убийство, расположены после преступлений против международных интересов государства, интересов государства и государственного управления, судебной власти, общественной безопасности и общественного порядка.

Уголовный кодекс Франции, заменивший знаменитый Уголовный кодекс Наполеона, по-прежнему

популярный среди ученых и законодателей многих стран мира, начинает Особенную часть УК (Раздел II, кн. II) с преступлений «против человечества и человеческого вида», включающих геноцид, обращение в рабство, массовое и систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует их исчезновение и некоторые другие, а затем (Раздел II, кн. II) располагает посягательства на человеческую личность, в том числе посягательства на жизнь человека.

Едва ли даже система уголовного законодательства указанных стран или каких-то других государств мира может служить законченным образцом для оптимальной модели структуры Особенной части УК РФ. Но то, что безопасность человечества, основы общественной безопасности и основы конституционного строя и безопасности государства представляют сравнительно большую социальную ценность, чем личная безопасность, включая жизнь индивида, и то, что это должно быть отражено в структуре действующего УК РФ, представляется очевидным. При такой ситуации законодатель, например, не вправе указывать такой квалифицирующий признак убийства при отягчающих обстоятельствах, как «**убийство, сопряженное с... бандитизмом**», но будет прав, если в составе бандитизма предусмотрит такой, например, квалифицирующий признак, как «**участие в нападениях, совершаемых бандой, если это деяние сопровождалось убийством**». В аналогичной формулировке следовало бы установить наиболее строгую ответственность за особо квалифицированные виды **террористического акта, захвата заложника, угона судна воздушного или водного транспорта, либо железнодорожного подвижного состава, пиратства, насилиственного захвата власти или насилиственного удержания власти, вооруженного мятежа, диверсии, нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой и некоторые другие преступления, совершение которых сопровождается убийством**.

Указание в ряде уголовно-правовых норм УК РФ на **сопряженность** убийства с другими преступлениями (п.п. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) или на то, что соответствующее преступление **повлекло «умышленное причинение смерти человеку»** (п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206 и ч. 3 ст. 281 УК РФ), не отражает точного смысла и социально-правовой природы преступления, одним из вероятных следствий которого является убийство.

«**Сопряженный**» – термин, обозначающий «**взаимно связанный**» или «**сопровождаемый чем-н.**» [1, с. 746]. Применительно к убийству, которое нередко является спутником преступлений, носящих характер нападения, иного опасного для жизни насилия, точнее говорить не об абстрактной «**взаимной связи**» убийства и такого вида преступления, а

о том, что совершение последнего «сопровождается» первым, и только в этом смысле можно говорить о «сопряженности» убийства с террористическим актом, захватом заложника, бандитизмом и тому подобными преступлениями.

Выражение «если деяния **повлекли умышленное причинение смерти человеку**» указывает на то, что последнее является следствием первых, поскольку термин «**повлечь**» («**влечь**») толкуется как «иметь своим последствием что-н.» [1, с. 529, 87], и в этом смысле оно не полностью раскрывает подлинное содержание того факта, что «умышленное причинение смерти человеку» происходит в то время, когда совершается соответствующее преступление и одновременно тесно связано с ним, так как является его следствием.

Иными словами, чтобы правильно установить временную и генетическую связь убийства с сопоставляемыми с ним преступлениями, законодателю следует использовать в указанном выражении термин «**сопровождаться**», то есть «**происходить одновременно с чем-н., быть непосредственным продолжением или следствием чего-н.**» [1, с. 748]. В соответствующих статьях УК РФ правильнее указывать квалифицированные и особо квалифицированные виды преступлений, сопровождаемых убийством, именно в этой формулировке: «**террористический акт, сопровождаемый убийством**»; «**бандитизм, сопровождаемый убийством**»; «**диверсия, сопровождаемая убийством**» и т.п.

В формулировках, данных в п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206, ч. 3 ст. 281 УК РФ, где предусматривается ответственность за соответствующие деяния, «если они повлекли умышленное причинение смерти другому человеку», получается, что особо квалифицированные виды, например, террористического акта или захвата заложника, будут иметь место даже в тех случаях, когда в результате взрыва гибнет сам террорист-смертник или в результате самоубийства, либо во время штурма с целью освобождения заложника гибнет человек, захвативший заложника. Гибель человека в результате собственных преступных действий едва ли можно оценивать как отягчающее ответственность обстоятельство.

При убийстве «причинение смерти **другому человеку**» (ч. 1 ст. 105 УК РФ) или «**лишение его жизни**» [1, с. 821], является признаком и основанием уголовной ответственности за это преступление.

«**Причинение смерти**» (вариант: «**лишение жизни**») характеризует основное деяние при убийстве, а не «**посягательство на жизнь**», как именуются преступления, предусмотренные ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ. Под «**посягательством на жизнь**» в теории уголовного права понимается «**убийство или покушение на убийство**» [2, с. 985].

Однако «**посягательство**» в буквальном смысле означает «**попытку** (незаконную или осуждаемую)

сделать что-н., распорядиться чем-н., получить что-н. [1, с. 571]. «**Попытка**» же толкуется как «**действие, поступок с целью осуществить что-н., добиться чего-н., но без уверенности в успехе**» [1, с. 563]. Исходя из буквального смысла определения «**посягательство на жизнь**», его можно обозначить как «**попытку убить**», то есть как действие (поступок) с целью причинения смерти человеку (вариант: «**лишить жизни человека**»), но без уверенности в успехе. Едва ли можно представить убийцу, который без уверенности в успехе принимает решение лишить человека жизни. Эта неточность в определении **покушения на убийство и убийства как «посягательства на жизнь»** дополняется несовершенством законодательства, не сумевшего не только точно определить название преступлений, предусмотренных ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, но и **отразить стадии их совершения** (покушение на убийство, убийство), и дифференцировать ответственность в зависимости от степени завершенности преступления (убийства государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование либо сотрудника правоохранительного органа).

Исходя из сказанного, составы посягательства на жизнь в УК РФ более правильно было бы именовать «**покушением на убийство или убийством** государстенного или общественного деятеля и др...» и разделить соответствующие статьи УК, каждую на три части, определив ответственность за: «**покушение на убийство...**» как оконченное преступление, учитывая особый статус потерпевшего (ч. 1); «**убийство...**» как фактически оконченное материальное преступление (ч. 2) и «**убийство двух или более лиц**», если хотя бы один из потерпевших имеет тот же статус, что и потерпевший, указанный в частях первой и второй данной статьи (ч. 3).

Эти виды убийства и покушения на убийство, именуемые в действующем УК РФ «**посягательствами на жизнь**» (ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ), имеют все признаки убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и должны быть включены в гл. 16 («**Преступления против жизни...**»).

Анализ зарубежного уголовного законодательства показывает, что убийство или покушение на убийство из тех категорий жертв, которые указаны в ст.ст. 277, 295 и 317 УК РФ, рассматриваются законодательством как виды тяжких убийств и предусматриваются в главах (разделах), посвященных преступлениям против жизни (личности) или различным видам убийств.

Так, уголовное законодательство Англии относит убийство сотрудника полиции, исполняющего свои обязанности, к преступлениям против личности (жизни) и относит его к тяжким убийствам. В уголовном законодательстве США, в частности в УК штата Нью-Йорк, к тяжкому убийству 1-ой степени относят убийство судей, полицейских, ра-

ботников исправительных учреждений и некоторых других представителей власти и административных органов (п. 3 ст. 125.25).

По УК Турции пожизненным тяжким заключением наказывается убийство «члена или бывшего члена Великого Национального Собрания Турции в связи с исполнением им обязанностей члена парламента» (Раздел 9, гл. I «Убийство», ст. 450 п. 2), а также убийство «государственного чиновника при исполнении им должностных обязанностей или бывшего государственного чиновника в связи с занимаемой им должностью» (Раздел 9, гл. I, ст. 450 п. 11).

К убийствам при отягчающих обстоятельствах УК Франции относит умышленное лишение жизни «магистрата, присяжного заседателя, адвоката, публичного служащего, представителя закона, уполномоченного министром полиции, военнослужащего жандармерии, служащего национальной полиции, таможни, пенитенциарной администрации, сотрудника предприятия сети публичного пассажирского транспорта либо любого другого лица, обладающего публичной властью или выполняющего обязанности по публичной службе при исполнении или в связи с исполнением ими таких функций или обязанностей, если статус потерпевшего очевиден или известен исполнителю» (ст. 221-2 п. «г»).

Для признания соответствующего деяния убийством («простым убийством») требуется, чтобы смерть была причинена другому человеку (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Этот признак убийства указывается во многих УК зарубежных стран.

Так, ст. 138 УК Испании формулирует понятие убийства в следующей редакции: «Причинивший смерть **другому человеку** наказывается как виновный в убийстве...». Аналогичные определения содержатся, например, в ст. 287 УК Голландии, § 237 УК Дании, ст. 221-1 УК Франции.

Указание в качестве потерпевшего от убийства на **«другого человека»** позволяет ограничить это преступление от доведения до самоубийства или покушения на самоубийство и от самоубийства. Но оно не дает еще гарантии от ошибок при отграничении убийства от криминального аборта и покушения («негодного») на убийство. Поэтому считаем целесообразным указать в ч. 1 ст. 105 УК РФ или в примечании к ст. 105 УК РФ, что потерпевшим от убийства может быть только **«живой человек»**, в том числе и **«ребенок, родившийся живым и начавший самостоятельное существование»**.

В ст. 584 Собрания законов Англии при определении понятия убийства, в частности, указывается, что объектом убийства может быть лишь **«живущий человек»** или только что **«родившийся живым ребенок и начавший (вне утробы матери) самостоятельное существование»**. В уголовном законодательстве США, например, в УК штата Кентукки, убийство определяется как «поведение, которым

причиняется смерть не только какому-либо лицу, то есть **живущему человеку**, но и **народившемуся ребенку**, которым женщина была беременна более 24 недель (ст. 507.010 УК). Аналогичное определение содержится в ст. 125.00 УК штата Нью-Йорк.

Определяя убийство как «умышленное причинение смерти другому человеку», УК Франции в ст. 221-1 в то же время подчеркивает, что потерпевшим от убийства может быть только **«живущий человек»**, иначе речь может идти лишь **о покушении на убийство**.

В УК РФ (ст. 106) одним из видов убийств признается «убийство матерью **новорожденного ребенка во время родов** или сразу же после родов...». Иными словами, отечественный законодатель признает таковыми в данной уголовно-правовой норме даже убийством **нарождающегося ребенка «во время начавшихся физиологических родов»** [3, с. 295]. Трудно понять нашего законодателя, когда движение ребенка из утробы матери («во время родов») определяется им **не как процесс его рождения, а как результат этого процесса**, а умерщвление плода «во время родов» объявляется **убийством «новорожденного ребенка»**. С логикой у законодателя здесь не все в порядке. Кроме того, как можно лишить жизни того, кто еще не родился, а живородный плод еще не стал живым существом, то есть человеком [1, с. 879], начавшим самостоятельное существование вне утробы матери? Умертвление такого существа во время родов следовало бы признавать покушением на убийство. Это **«негодное» покушение на убийство или покушение на «негодный объект»**.

Поэтому, например, вполне понятно, отчего в уголовном законодательстве Японии (ст. 200 УК) **«плод, находящийся в чреве матери, не признается человеком»**, а потому **умертвление плода во время родов не может рассматриваться как убийство**. Умертвление плода (живородного ребенка) во время родов уголовно-наказуемо как покушение на убийство (ст.ст. 199, 202 и 203 УК Японии).

Убийство есть **умышленное** причинение смерти другому человеку (ч. 1 ст. 105 УК РФ). В такой же формулировке понятие убийство определяет УК Франции (ст. 221-1). В уголовном праве Франции также выделяют основной психологический признак убийства – наличие **намерения** лишить жизни другого человека. В УК Голландии (ст. 287) убийством признается **умышленное** лишение жизни другого человека. Только **умышленное** лишение жизни человека расценивается как убийство по УК Японии (ст. 199).

В указанных уголовно-правовых системах посягательство на жизнь, совершенное (вызвавшее смерть человека) по неосторожности, имеет самостоятельное значение и не рассматривается как разновидность убийства. При этом в УК некоторых государств (например, в ст. 584 УК Италии) указы-

вается, что в подобных случаях причинение смерти потерпевшему, которому лицо наносило побои или причиняло телесные повреждения, **«не входило в намерения виновного»**. Последнее выражение законодателя позволяет более правильно понять подлинный смысл убийства, которое может означать только **намеренное лишение жизни другого человека**.

«Намерение» можно толковать как **«предположение сделать что-н., желание, замысел, сознательное стремление к какому-н. результату»** [1, с. 389]. Иными словами, лишь умышленное «истребление или уничтожение другого человека» можно оценивать как убийство: с прямым умыслом, если лицо не только сознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность или неизбежность наступления смерти потерпевшего в результате их совершения и желало ее наступления; с косвенным умыслом – при осознании общественной опасности своих действий, когда лицо предвидело возможность наступления в результате этого смерти потерпевшего, хотя непосредственно не стремилось к наступлению именно этого результата, но допустило его наступление и заранее соглашалось с его вероятным наступлением.

Убийство – это намеренное, осознанное стремление лишить другого человека жизни либо сознательное допущение такого последствия своих действий при желании достигнуть иной главной цели и иного, связанного с ней преступного результата, если этому не мешает или даже способствует наступление смерти данного потерпевшего. Поэтому отечественный законодатель, думается, прав в том, что закрепил юридически значимое определение убийства как **«умышленного причинения смерти другому человеку»**.

Убийство – особое наиболее опасное преступление против человека, его природной и социальной сущности. Вместе с тем, как преступление особого вида, оно должно обладать, прежде всего, общими признаками преступления, которые предусмотрены в ст. 14 УК РФ, и дополнительными, специфическими признаками, позволяющими их отграничить от других, прежде всего, смежных преступлений.

Следовательно, убийство есть не столько виновно совершенное, сколько **умышленно совершенное** деяние. Причем это не только общественно опасное деяние, а **особо опасное для общества и для каждого человека** деяние (и это надо также подчеркнуть в определении), которое **не может иметь места при совершении общественно полезных и правомерных поступков** (например, в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, необходимости задержания преступника, при обоснованном риске и исполнении законного приказа).

Убийство – не только **«незаконное причинение смерти»**, как, например, об этом говорится в ст. 584 Собрания законов Англии, а **запрещенное уголов-**

ным законом («настоящим Кодексом») под угрозой наказания причинение смерти.

При законодательном закреплении понятия убийства включение признаков **«особой общественной опасности и противоправности (запрещенности уголовным законом)»** необходимо, поскольку из определения, данного в ч. 1 ст. 105 УК РФ, вовсе неясно, что «умышленное причинение смерти другому человеку» («убийство») есть одно из тех деяний, которые согласно ст. 14 УК РФ являются преступлениями. Тут же возникают в памяти случаи «умышленного причинения смерти другому человеку» при приведении приговора о назначении смертной казни в исполнение, расстреле виновных в боевой обстановке, причинении смерти при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, и т.п.

Таким образом, можно предложить следующее законодательное определение убийства:

«Статья 105. Убийство.

1. Убийство, то есть запрещенное настоящим Кодексом особо общественно опасное, умышленное причинение смерти другому живущему человеку или живорожденному ребенку ...»

Справедливость ответственности за убийство зависит не только от точности определения, смысла и юридической природы этого преступления в уголовном законе (ч. 1 ст. 105 УК РФ), но и от того, насколько полно, последовательно и дифференцированно расположены на шкале оценок законодателем обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность за данный вид преступления в ч. 2 ст. 105 и ст.ст. 106-108 УК РФ. Полагаем, что вопросы дифференциации ответственности за убийство в УК РФ во многом еще не решены.

В уголовном законодательстве зарубежных стран предусматривается и ряд других обстоятельств, отягчающих ответственность за убийство. Некоторые из них имели место в прошлом отечественном уголовном законодательстве, хотя и в несколько иной редакции.

Например, согласно § 3 ст. 142 УК Польши лицо, ранее судимое за убийство, при совершении нового убийства несёт ответственность за убийство, совершённое при отягчающих обстоятельствах, то есть за квалифицированный вид убийства.

Как известно, п. «и» ст. 102 УК РСФСР 1960 г. предусматривал такой квалифицированный вид преступления, **как убийство, «совершённое лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст.ст. 104-105 УК»**, то есть совершённое при смягчающих обстоятельствах.

В первоначальной редакции ч. 2 ст. 105 УК РФ 1996 г. (п. «и») предусматривалась ответственность за **убийство, «совершённое неоднократно»**.

В обоих случаях отечественный законодатель предусматривал ответственность за убийство, совершённое лицом, ранее совершившим убийство, неза-

висимо от того, было ли оно за него осуждено. Разумеется, речь идет об убийствах, совершённых без смягчающих ответственность обстоятельств.

Думается, целесообразность возвращения к данному положению уголовного закона вполне очевидна. Если законодатель признаёт совершённым при отягчающих обстоятельствах убийство двух или более лиц или убийство, сопряжённое с некоторыми другими тяжкими или особо тяжкими преступлениями, то логично рассматривать в качестве такового **убийство, «совершённое лицом, ранее совершившим убийство без смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств»** (в ч. 2 ст. 105 УК РФ), а также **убийство, совершённое лицом, ранее совершившим убийство при отягчающих обстоятельствах»** (в ч. 3 ст. 105 УК РФ), либо иное особо тяжкое преступление.

Уголовное законодательство некоторых зарубежных государств рассматривает как тяжкое (квалифицированное) убийство те случаи, когда **потерпевшим является родственник, близкий родственник или свойственник либо определённые лица из их числа.**

Например, ст. 577 УК Италии рассматривает «убийство родственника по входящей или нисходящей линии» как убийство с отягчающими обстоятельствами. Ст. 450 УК Турции предусматривает только пожизненное заключение за «убийство одного из близких родственников по входящей линии или потомков». Такому же тяжкому наказанию подлежит лицо, «совершившее убийство жены, мужа, брата, сестры, приёмных родителей, приёмного сына, приёмной дочери, мачехи, отчима, пасынка, падчерицы, тестя, свёкра, тёщи, свекрови» (ст. 449 УК Турции).

Основную роль в уголовно-правовой оценке родственных отношений убийцы и его жертвы, несомненно, играет нравственная сторона подобных преступлений. Некое общепринятое нравственное правило, особая кровная и духовная связь с родными людьми, многочисленными нитями связанными между собой совместным общением, переживанием общих житейских трудностей, горестных и радостных событий, взаимная помощь и поддержка на протяжении многих запоминающихся лет и т.п., казалось бы, не оставляет места для того, чтобы даже помыслить об убийстве, а не только убить особо близкого для себя человека. Скорее можно ожидать всесторонней защиты близкого кровника или свойственника. Среди некоторых народов, как отмечалось, сохраняется обязанность родича мстить за обиду, нанесённую родственнику даже путём убийства обидчика.

Подобные рассуждения наводят на мысль о том, что убийство родственника, особенно близкого родственника, прежде всего, родителей или приёмных родителей, дедушки и бабушки, а также детей или приёмных детей, братьев и сестёр или приёмных братьев и сестёр, совершают глубоко отрицательная, нравственно

деградированная личность, для которой не осталось «ничего святого» в жизни, поскольку она способна лишить жизни даже самых близких ей людей.

Судя по некоторым положениям УК РФ, отечественный законодатель признаёт наиболее охраняемыми, причём даже от уголовного закона, **интересы гражданина, связанные с супругом и его близкими родственниками.**

Например, в примечаниях к ст. 308 УК РФ («Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний») и к ст. 316 УК РФ («Укрывательство преступлений») законодатель освобождает от уголовной ответственности лицо, которое **отказывается давать показания, соответственно, «против... своего супруга или своих близких родственников либо совершает заранее не обещанное укрывательство преступления, совершённого указанными лицами».**

Исходя из этого, полагали бы целесообразным рассматривать **«убийство своего супруга или своих близких родственников» как квалифицированный вид этого преступления** и предусмотреть его отдельным пунктом в ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Убийство именно таких лиц свидетельствует о том, что виновный в подобных преступлениях обладает особой душевной бесчувственностью, является исключительно циничной натурой, если он способен физически уничтожить любого, даже самого близкого ему человека. Подобные случаи убийств заслуживают быть отмеченными законодателем как совершённые при отягчающих ответственность обстоятельствах.

Значительный интерес представляет, например, формулировка исследуемого обстоятельства, данная в п. 2 ст. 221-4 УК Франции, согласно которой пожизненным уголовным заключением наказывается убийство, совершённое «в отношении законного или естественного родственника по восходящей линии или в отношении приёмных отца или матери». Среди потерпевших в данном определении отсутствует супруг (супруга) убийцы, а вместо близкого родственника называются законный или естественный родственник по восходящей линии и приёмные отец или мать. Иными словами, французский законодатель считает себя обязанным защищать от посягательств на жизнь, прежде всего, «законных или естественных родственников по восходящей линии», то есть даже не всех тех, кого согласно, скажем, ст. 14 Семейного кодекса РФ и ст. 5 УПК РФ определяют как «близких родственников», а только «предков» (прямые родственники по восходящей линии). Это родители (отец, мать), к ним приравниваются приёмные родители, прапородители (дед, бабка) другие, бывшие до преступления живыми, предки убийцы. Вероятно, это и есть «самая близкая родня» [1, с. 51, 682], обеспечивающая воспроизводство, непрерывность и связь поколений, родственную и духовную близость и привязанность сородичей, наиболее тесное взаимодействие и взаимопомощь в

процессе жизнедеятельности и воспитания членов семьи и рода, подрастающего поколения, передачи опыта духовности и выживания в нашем непростом и далеко не всегда дружественном мире.

Нельзя отрицать рациональное зерно в том, что убийство близких родственников «по нисходящей линии» воспринимается общественностью нередко не с меньшим негодованием, чем убийство близкого родственника «по восходящей линии». В связи с этим наше внимание привлекает ч. 2 ст. 577 УК Италии, согласно которой отягчающим ответственность обстоятельством признаётся убийство «супруга, брата, сестры» как близких родственников, а также «приёмного отца, приёмной матери или приёмного ребёнка», наряду с другими «родственниками по восходящей или нисходящей линии» (ч. 1 ст. 577 УК Италии).

Таким образом, в качестве квалифицирующего признака убийства в ч. 2 ст. 105 УК РФ можно было бы назвать **«убийство близкого родственника, супруга, приёмных родителей (отца, матери), брата или сестры, приёмных брата или сестры либо приёмных детей (сына, дочери)»**. Суд с учётом близости родства виновного и потерпевшего, его характера мог бы смягчить наказание виновному. Содеянное не может квалифицироваться по данному пункту настоящей статьи, если оно совершено при обстоятельствах, указанных в ст.ст. 106, 107 или 108 ч. 1 УК РФ».

Среди других обстоятельств, отягчающих ответственность за убийство, не предусмотренных российским уголовным законодательством, но встречающихся в зарубежном уголовном законодательстве, следует упомянуть об **убийстве, связанном с побегом из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, когда оно совершается лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении**.

Так, согласно п. 3 ст. 125.25 УК штата Нью-Йорк США («тяжкое убийство 1-ой степени») «убийство, совершённое заключённым, лицом, совершившим побег из мест лишения свободы, приговорённым к пожизненному тюремному заключению, лицом, ранее судимым за тяжкое убийство...», наказывается смертной казнью.

Особые условия, в которых протекает деятельность сотрудников исправительных учреждений и учреждений, обеспечивающих изоляцию задержанных и заключённых под стражу, постоянное негативное воздействие на процесс и результаты этой деятельности криминальной субкультуры и её носителей, нередко доминирующих в общественной жизни указанных учреждений, связанные с этим большие и во многом специфические затруднения, возникающие в деятельности по обеспечению правопослушного поведения находящихся в них лиц, их безопасности и безопасности персонала соответствующих учреждений, трудности противодействия

беспрецедентному давлению на их руководителей и сотрудников, на лиц, вставших на путь исправления, – всё это обстоятельства, указывающие на высокую общественную опасность поддерживающейся там криминальной ситуации и правонарушений, предусмотренных ст. 116 УИК РФ.

Эти обстоятельства вызывают необходимость отдельной криминализации массовых беспорядков или мятежа, забастовок, систематического и злостного нарушения режима в исправительных учреждениях, арестных домах и местах предварительного заключения или воспрепятствования их деятельности, которые нередко сопровождаются убийствами, причинением вреда здоровью различной тяжести, масштабными разрушениями, поджогами, погромами, причинением иных тяжких последствий. При том невнимании и даже пренебрежительном отношении официальных властей к указанным беспрецедентным трудностям в деятельности названных учреждений, остаточном финансировании и запущенной кадровой политике в системе ФСИН России уголовно-правовые гарантии безопасности сотрудников исправительного учреждения, органа уголовно-исполнительной системы, арестного дома или лиц, обеспечивающих предварительное заключение, а также безопасность лиц, отбывающих наказание или находящихся в предварительном заключении и отличающихся примерным поведением, абсолютно необходимы и целесообразны.

Не только несправедливо и ошибочно, но и просто нелогично, что в УК РФ, наряду с угрозой или насилиственными действиями в отношении лиц, участвующих в осуществлении правосудия или производстве предварительного расследования (ст. 296), и в отношении представителя власти (ст. 318), которые рассматриваются как опасные посягательства на жизнь указанных лиц в связи с осуществлением ими возложенных на них общественно полезных обязанностей по службе (ст. 295 и ст. 317), нет составов посягательств на жизнь сотрудника исправительного учреждения органа уголовно-исполнительной системы, арестного дома или лица, обеспечивающего предварительное заключение, и убийства, находящихся или отбывающих там лиц в связи с их правопослушным поведением, хотя ответственность за угрозу и насилиственные действия в отношении таких лиц вполне обоснованно предусматривается (ст. 321 УК РФ).

Конструкции предлагаемых новаций в УК РФ могли быть даны в следующих формулировках:

«Статья 320.1. Посягательство на жизнь сотрудника исправительного учреждения, органа уголовно-исполнительной системы, арестного дома или лица, обеспечивающего предварительное заключение.

1. Посягательство на жизнь сотрудника исправительного учреждения, органа уголовно-исполн

нительной системы, арестного дома или лица, обеспечивающего предварительное заключение, в связи с исполнением возложенных на них служебных обязанностей, а равно его совершение в отношении близких им лиц в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц или из мести за такую деятельность, –

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы либо смертной казнью.

2. То же деяние, причинившее смерть потерпевшему или совершённое организованной группой либо в отношении двух или более лиц, а равно лицом осуждённым или ранее судимым за особо тяжкое преступление, –

наказывается пожизненным лишением свободы или смертной казнью».

«Статья 320.2. Убийство осуждённого, подозреваемого или обвиняемого в преступлении, находящегося в местах лишения свободы, арестных домах или места предварительного заключения, в связи с его правопослушным поведением.

1. Убийство лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы, ареста или находящегося в местах предварительного заключения, в целях воспрепятствования его исправлению или добросовестному исполнению действующих там режимных правил либо из мести за оказанное им содействие администрации исправительного учреждения, органа уголовно-исполнительной системы, арестного дома либо правоохранительным органам в предупреждении и (или) раскрытии преступлений, –

наказывается лишением свободы на срок от девяти до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

2. То же деяние, совершённое организованной группой, либо в отношении двух или более лиц, а равно лицом, осуждённым или ранее судимым за особо тяжкое преступление, –

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью».

Поскольку УК РФ предусматривает повышенную ответственность за убийство с целью скрыть другое преступление, предлагается предусмотреть такую же ответственность за убийство с целью скрыться от правосудия, избежать ареста, задержания или заключения и вполне было бы логично и справедливо предусмотреть в ч. 2 ст. 105 УК РФ такой квалифицированный вид данного преступления, как убийство «с целью содействия побегу из места лишения свободы, арестного дома или места предварительного заключения либо во время конвоирования лица, отбывающего наказание, задержанного или находящегося под стражей, совершённое этим лицом или иными лицами», а в ч. 3 ст. 105 УК РФ особо квалифицированный вид этого квалифицированного вида убийства, «совершённого лицом, осуждённым за особо тяжкое преступление или привлечённым к уголовной ответственности за тяжкое или особо тяжкое преступление, либо ранее судимым за убийство или иное особо тяжкое преступление».

Литература:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 1104 с.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Юристъ, 2004. – 671 с.

Concept of Murder and Ordering of the Criminal Legislation of Russia about Responsibility for Murder: Innovative Problems of Improvement of the Criminal Legislation

*A. Babichev, B. Sidorov
Kazan (Volga Region) Federal University*

The paper deals with legislative definition and characteristics of murder according to Russian and foreign criminal legislation. The authors analyze doctrinal definitions of the notion and suggest new understanding of the murder in the Criminal Code of the Russian Federation as well as new subsystem of murders in the system of crimes violating human life. Recommendations on improvement of criminal legislation concerning differentiation of responsibility for murders, committed under aggravating circumstances, have been worked out.

Key words: murder, infringement on life, criminal legislation, differentiation of criminal responsibility, classified types of murder, characteristics of murder, improvement of legislation, aggravating circumstances.